

УДК: 327.3

Компаративный регионализм: типология шаблонов регионального сотрудничества и интеграции

Сергей Константинович Песцов,

доктор политических наук, главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.

E-mail: skpfox@mail.ru

Заметное увеличение с середины 1980-х гг. числа интеграционных проектов в разных регионах Земли превратило регионализм в общемировой феномен, представленный множеством содержательных и организационных вариаций, и важный элемент общей архитектуры мировой экономики и безопасности. В статье предпринимается попытка обнаружить причины и факторы, обуславливающие своеобразие регионализма в разных регионах мира, используя понятие общего контекста региональных взаимодействий. Характер последнего определяется несколькими ключевыми факторами: геополитическим, социально-регулятивным, стартовыми позициями, целевыми ориентациями. Содержательная специфика указанных факторов и особенности их сочетания позволяют выделить несколько базовых шаблонов современного регионализма, которые в некоторых случаях оказываются достаточно чётко связанными с определёнными географическими пространствами. В случае с территорией, условно определяемой как Северная Пацифика, речь может идти только о потенциальном (возможном), но ещё не полностью сложившемся регионе, формирующемся на стыке нескольких географических пространств. Соответственно, сложности налаживания кооперационных взаимодействий между государствами Северной Пацифики обуславливаются, кроме всего прочего, тем, что в силу своей принадлежности к разным географическим пространствам данные страны представляют разные шаблоны регионализма. В заключении кратко рассматриваются примеры, иллюстрирующие и подтверждающие практические последствия сосуществования и взаимодействия идентифицированных шаблонов регионализма.

Ключевые слова: регионализм, регионализация, региональная интеграция, региональные организации.

Comparative regionalism: typology of patterns of regional cooperation and integration.

Sergei Pestsov, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: skpfox@mail.ru.

Notable increase of a number of integration projects in different regions of the world from the mid-1980s transformed regionalism into global phenomenon full of substantial and organizational variations and an important element of the overall architecture of world economy and safety. The article tries to reveal the reasons and factors causing the peculiarity of regionalism in different regions of the world using the idea of overall context of regional cooperation. Its character is defined by several key factors: geopolitical, socio-regulatory, start positions, goal orientations. Specific character of the indicated factors and peculiarities of their combination allow distinguishing several basic patterns of modern regionalism which in some circumstances turn out to be clearly connected with certain geographical spaces. In the case of the territory, conditionally definable as the North Pacific, we can talk only about a potential (probable) not fully formed region developing across several geographical spaces. Correspondingly, the difficulties of building cooperative interactions between the states of the North Pacific are specified additionally with the fact that, by virtue of being different geographical spaces, these countries represent different patterns of regionalism. In conclusion, there is a brief examination of the examples illustrating and confirming practical effect of coexistence and interaction of identified patterns of regionalism.

Keywords: regionalism, regionalization, regional integration, regional organizations.

Оживление и распространение в глобальном масштабе с середины 1980-х гг. регионализма (после эйфории первых лет своего существования он пережил идейный и организационный кризис) привело к серьёзным переменам в его понимании и оценках. «Возвращение», как полагают многие, превратило регионализм в одну из определяющих тенденций современных международных отношений [11, р. 1]. Он стал рассматриваться в качестве важного элемента общей архитектуры мировой экономики и безопасности, одного из определяющих драйверов глобальных перемен. Вместе с тем, будучи представленным в реальной действительности многообразием интеграционных схем и проектов, новый регионализм ставит перед исследователями важный вопрос о причинах и факторах, обуславливающих своеобразие его облика в разных регионах мира. Ведь с точки зрения простого функционализма, как справедливо замечают А. Ачария и А. Джонстон, вряд ли можно было ожидать слишком большого числа вариаций, поскольку все государства сталкиваются со схожими проблемами [2, р. 1, 2].

В попытке найти ответ на данный вопрос внимание обращалось на разные обстоятельства, в той или иной мере обуславливающие разнообразие регионализма в различных частях мира. К примеру, отмечая отличие азиатского регионализма от европейского, многие традиционно указывают на значительную культурную и экономическую гетерогенность Азии, наличие там глубоких идеологических конфликтов, воспоминаний о войнах и оккупации, на проявление амбиций и соперничества региональных держав или влияние позиции США. Однако, как полагают другие, в этом случае ясного ответа мы всё же не получаем, поскольку все перечисленные характеристики вполне можно отнести и к Европе конца Второй мировой войны [3, p. 15].

Значительная часть материалов, представленных в данном номере журнала, объединена темой межгосударственного сотрудничества и интеграции на пространстве Северной Пацифики. Несмотря на то, что внимание авторов в основном концентрируется на текущих проблемах двусторонних кооперационных взаимодействий, очевидно, что взаимоотношения между ключевыми игроками на этом региональном пространстве — РФ, КНР, Японией — во многом определяют будущее регионализма в данной части мира. Сложности интеграционного взаимодействия государств Северной Пацифики, как отмечает большинство исследователей, обуславливаются множеством экзогенных и эндогенных факторов. В то же время, признавая важность разного рода конъюнктурных обстоятельств, осложняющих взаимопонимание и сотрудничество, нельзя не обратить внимание на причины более фундаментального характера.

Пространство, условно определяемое как Северная Пацифика, вряд ли может быть охарактеризовано как сложившийся или полностью оформившийся регион. Речь в лучшем случае может идти лишь о потенциальном (возможном) регионе, формирующемся на стыке нескольких географических пространств. Соответственно, сложности налаживания кооперационных взаимодействий между государствами Северной Пацифики обуславливаются, кроме всего прочего, тем, что эти страны, в силу принадлежности к разным географическим региональным пространствам, представляют собой разные шаблоны регионализма¹.

В этой связи представляется важным обратиться к фундаментальным характеристикам региональных пространств, обуславливающим специфику социального взаимодействия на этапе, который предшествует осознанному конструированию регионов и влияет на общий облик регионализма, формирующегося в процессе дальнейшего развития кооперационных взаимодействий. Данные характеристики могут быть объединены понятием общего регионального контекста. Он включает несколько важных элементов,

---

¹ В данном случае регионализм, вслед за Б. Хеттне и Ф. Содербаумом, в общем смысле понимается как «идеология регионализма, т.е. побуждение к региональному порядку в конкретной географической зоне». Регионализм в этом особом смысле, поясняют исследователи, обычно ассоциируется с программой и стратегией, которые способны привести к формальному институциональному строительству [4, p. 4].

хотя, вероятно, и не ограничивается исключительно ими: 1) местоположение регионального пространства и характер непосредственного окружения (*геополитический фактор*); 2) исходные (стартовые) позиции регионального пространства, определяемые общим усреднённым уровнем политико-экономического развития его членов (*фактор стартовых позиций*); 3) соотношение между коллективными и индивидуальными целями, которые стремятся реализовать региональные акторы, используя региональное сотрудничество (*фактор целевых ориентаций*); 4) традиционные (привычные) базовые правила и инструменты управления социальными отношениями и коллективной деятельностью (*социально-регулятивный фактор*). Различия в содержании и сочетании указанных факторов, в их значимости в каждом конкретном случае позволяют выделить несколько условных шаблонов регионализма со спецификой дизайна, темпов развития и реальных достижений, а также с вариативностью перспектив возможной динамики.

Одни шаблоны более или менее локализованы, другие в том или ином виде проявляют себя в рамках разных региональных пространств. Первый — «*институционально-целевой*» регионализм — ассоциируется прежде всего с западноевропейской интеграционной моделью, хотя в тех или иных чертах обнаруживает себя в деятельности групповых объединений в Северной Америке (Североамериканская зона свободной торговли — НАФТА) и даже в Тихоокеанской Азии (Зона свободной торговли Австралии и Новой Зеландии — АНЗЕРТА). Другой, «привязанный» к Юго-Восточной Азии, или шире — к Азиатско-Тихоокеанскому региональному пространству, определяется как «*адаптивный*» регионализм. Третий вариант — шаблон «*догоняющего*» регионализма — характеризуется значительно большей пространственной дисперсией. В соответствии с характерной для него логикой развиваются интеграционные процессы в рамках групповых объединений, действующих в Африке, на Среднем Востоке, в Южной Азии и, с определёнными оговорками, на постсоветском пространстве. Локализация этого шаблона связана не столько с географией, сколько с общим для участников таких межгосударственных объединений не очень высоким уровнем политического и экономического развития. Наконец, региональные интеграционные процессы на латиноамериканском континенте образуют в совокупности ещё один шаблон «*оборонительно-конкурентного*» регионализма. В более умеренной форме или в виде отдельных элементов он обнаруживается и в некоторых других регионах мира (Африка, Азия).

ШАБЛОНЫ РЕГИОНАЛИЗМА: ОБЩАЯ СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Не вдаваясь в детальный анализ специфики сочетания указанных выше факторов, который ведёт к появлению определённых шаблонов регионализма, ограничимся лишь самой общей содержательной характеристикой каждого из них.

«Институционально-целевой» регионализм оформляется в рамках сравнительно компактного пространства, которое было и остаётся одним из центров общей международной системы. Предпосылки его появления: длительный исторический опыт сосуществования государств, единое культурное пространство, развитые (и «выровненные» Второй мировой войной) хозяйственно-экономические структуры, нормативно-правовые и институционально-политические системы. Эти обстоятельства, создавая возможности сближения и укрепляя внутренние потребности, к середине XX в. получили рациональное оформление и прочную общественно-политическую поддержку. В основу западноевропейского интеграционного процесса легла достаточно ясная философия мироустройства, он опирается на наиболее проработанную концептуальную часть общей теории регионализма. Межгосударственное сотрудничество в своём развитии здесь ориентировано на фундаментальные политические цели и коллективные выгоды. Конкретные экономические выигрыши изначально рассматривались как средство (инструмент) достижения основной цели — политической унификации как условия появления стабильной и безопасной социальной системы [8, р. 331, 332].

Основу стратегии западноевропейского регионализма составляет «тактическое программирование», или управление развитием интеграционных процессов, предполагающее выработку согласованной схемы шагов (этапов), связанных внутренней логикой. Содержание шагов определяется набором конкретных мероприятий, а их результаты, так же как коллективные и индивидуальные усилия участников объединения, могут быть измерены и оценены. Всё это требует достаточно высокого уровня формализации и институционального регулирования. Поэтому межгосударственная кооперация опирается на развитую систему норм и правил, определяющих промежуточные цели, способы их достижения, равно как и степень согласованности индивидуальных действий участников и их соответствие программным установкам. Стимулом и контролёром выступают коллективные (наднациональные) органы управления, решения которых в основной своей части обязательны для исполнения всеми членами группового объединения².

Эволюционная динамика ЕС осуществляется в рамках двух параллельно развивающихся циклов — углубления и расширения интеграции [1, с. 15]. Механизм противоречий и трудностей, возникающих в процессе функционирования интеграционной группировки, основывается на двухшаговой тактике. При углублении интеграции первый шаг — «установление якоря» — определение новых (очередных) ориентиров и их достижение передовой группой участников (наиболее подготовленных или активных), второй — закрепление на новых рубежах

---

² Нормативной альтернативой наднациональных институтов в случае НАФТА выступает т.н. полный контракт. Подробнее см.: [7, р. 6].

и «подтягивание» к ним остальных членов группы. В рамках расширения — сначала установление для претендентов «входных ориентиров», параметров, позволяющих включаться во внутриорганизационные процедуры и проекты, затем — предоставление полноправного членства и подтягивание до общего уровня во всех других отношениях. Накопленный опыт, реальные достижения и отлаженные механизмы преодоления различного рода возмущающих воздействий позволяют достаточно высоко оценивать перспективы развития интеграционных процессов в рамках этого шаблона.

«Адаптивный» регионализм. Иной вариант развития региональной кооперации демонстрирует АТР. Исходная относительная периферийность, пространственная, социально-культурная и хозяйственно-экономическая гетерогенность и отсутствие сколько-нибудь прочных связей между государствами, входящими в его состав, ослабляли внутренние потребности в интеграции. Значимым её стимулом здесь было, скорее, желание использовать возможности, предоставляемые меняющейся мировой политико-экономической конъюнктурой. Регионализм выступает в данном случае как орудие адаптации к внешним условиям с целью извлечения дополнительных хозяйственных выгод³. Подтверждением служит тот факт, что почти все теоретические обоснования региональной интеграции появлялись в виде организационных проектов, привязанных к конкретным ситуациям и задачам. Характерной чертой большинства региональных объединений, действующих в АТР, является отсутствие (отказ от установления) конкретных стратегических целей, если не считать таковыми общие декларации о содействии экономическому росту, социальному прогрессу и культурному развитию. Все они, как правило, возникали в качестве инструмента решения каких-либо конкретных задач, постепенно модифицируясь (адаптируясь) вместе с изменением повестки дня.

Реальным фундаментом и ведущими силами регионального сотрудничества здесь выступают деловые сети, образуемые «безнациональными» предприятиями «зарубежных китайцев» (хуацяо), бывшими колониальными торговыми домами (хонги) и многонациональными фирмами сначала японского, затем корейского и тайваньского происхождения [6, р. 17]. Формирующаяся на этой базе реальная экономическая взаимозависимость привела в действие механизм согласованного экономического развития и роста (модель «стаи летящих гусей», или «каскадного развития»), который стал одним из наиболее существенных катализаторов интеграции в АТР. Обнаружившееся несоответствие между относительной неразвитостью институциональных форм межгосударственных кооперационных взаимодействий и стремительными темпами расширения реальных хозяйственных связей стало основой выделения специфической

---

³ Фактор внешней угрозы сыграл свою, хотя и менее существенную, роль и в этом случае. См.: [9, р. 2].

разновидности регионализма («фактической», «рыночно побуждаемой» интеграции или «мягкого регионализма») и типологического разграничения «формального» (европейского) и «неформального» (азиатского) регионализма⁴. Данный шаблон, даже в его организованных формах, отличается отказом от жёстких институциональных структур, обязывающих регламентов и требований, предъявляемых к участникам групповых объединений. Совместная (коллективная) деятельность направляется и регулируется здесь не формальными договорённостями и соглашениями, а, скорее, некими совместно выработанными общими ориентирами⁵ [8, р. 331, 332], которые определяют предпочтительное направление, составляя для участников группировки значительную свободу выбора путей и темпов продвижения.

Последующие перспективы эволюции регионализма на базе данного шаблона менее определённы. С одной стороны, интеграционные процессы в АТР способны развиваться достаточно быстрыми темпами при сохранении благоприятной внешней конъюнктуры и даже в случае некоторого её ухудшения. Больше того, институциональное укрепление одного из наиболее стабильных региональных образований (АСЕАН) и объединение вокруг него большей части региональных кооперационных инициатив позволяют говорить о наличии неплохих возможностей для дальнейшей динамики регионализма.

«Догоняющий» регионализм. Этот шаблон предоставляет гораздо меньше шансов на успешную интеграцию и развитие межгосударственного сотрудничества в ближайшей перспективе. Общий невысокий уровень экономического развития большинства участников, представляющих периферийные региональные объединения, и их однотипные неэффективные хозяйственные структуры объективно ограничивают возможности кооперации. Попытки её расширения дирижистскими мерами чаще всего не приводят к нужному результату, что усиливает взаимное недовольство и снижает интерес к совместным действиям. Основным стимулом к сотрудничеству в этом случае является (хотя и не декларируется открыто) стремление к получению (увеличению) с помощью коллективных усилий индивидуальных выгод в виде расширения торговли, ускорения темпов экономического роста или создания новых отраслей промышленности. Поэтому эффективность региональных структур в данном случае определяется не столько общими достижениями, сколько справедливостью распределения выгод и размерами их индивидуальной доли. Постоянно возникающие в этой связи «дистрибутивные» конфликты нарушают единство групповых образований, провоцируя участников на поиск новых, более благоприятных для них конфигураций партнёров. Другими словами, основная цель группового сотрудничества — получение реальных экономических

⁴ Одним из первых разграничение между европейским и азиатским регионализмом провёл П. Катценштейн. См., напр.: [5, pp. 123—159].

⁵ Подробнее о понятии «сеть» и его использовании для анализа специфики Азиатско-Тихоокеанского регионализма см.: [10].

выигрышей в ближайшей перспективе, а интеграция рассматривается как средство ускорения индивидуального экономического роста.

Серьёзным препятствием для развития интеграционных процессов в рамках этого шаблона являются также слабость внутривластных структур и нерешённость проблем национальной интеграции. Сталкиваясь с внутренними угрозами суверенитету, государства-участники кооперационных объединений с опасением относятся к любым идеям, ограничивающим их внешнюю самостоятельность. Фактором, тормозящим интеграционные процессы, часто становится и негативный опыт предшествующего сосуществования в рамках «навязанных» единых структур, будь то бывшие колониальные империи, региональные альянсы или квазифедеративные государства. Многочисленные попытки использования доставшихся от них в наследство совместных хозяйственных институтов и структур в качестве основы для «реальной» интеграции оказались малопродуктивными, ещё более усилив взаимное разочарование. Объективная неразвитость нормативно-правовой базы и общераспространённая необязательность при исполнении договорённостей и установленных правил становятся причиной нестабильности и недолговечности создаваемых кооперационных объединений. Таким образом, прогресс «догоняющего» регионализма хотя, в принципе, и возможен, однако требует значительно большего времени и скоординированных усилий, связанных с отлаживанием механизмов и процедур совместной деятельности.

«Оборонительно-конкурентный» регионализм. Появление этого шаблона, представленного главным образом латиноамериканскими кооперационными объединениями, во многом обусловлено специфической ситуацией близкого соседства региона с крупнейшей мировой державой — США, — безоговорочно доминирующей в Западном полушарии. Имеющие длительную историческую традицию идеи латиноамериканского единства стимулировались желанием государств региона добиться таких же экономических успехов, как и у бывших североамериканских колоний и, одновременно, опасениями оказаться под влиянием северного соседа или его контролем. Позже это противоречие породило такую дилемму латиноамериканской интеграции, как стремление к открытости и одновременный страх проиграть в конкуренции с более мощными Соединёнными Штатами. Вмешательство США и их попытки контролировать процессы кооперации в соседнем регионе в ряде случаев становились одной из причин кризисов латиноамериканских групповых объединений. Таким образом, совершенно не случайно именно Латинская Америка стала родиной радикальных кооперационных концепций защитного характера. Наконец, ещё одним важным фактором, обусловившим специфику данного шаблона, равно как и описанного выше шаблона «догоняющего» регионализма, является сочетание слабости нормативной традиции, выступающей фундаментом европейского регионализма, и практики сетевых взаимодействий, на которую опирается регионализм в Восточной Азии.

ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНОВ И КОНКУРИРУЮЩИЕ ШАБЛОНЫ РЕГИОНАЛИЗМА

Признание того факта, что общий исходный контекст различных региональных пространств, сочетающий объективные (пространственно-географические) и субъективные (особенности социальных практик) факторы, приводит к появлению различающихся между собой шаблонов регионализма, указывает на возможность и вероятность эволюционного развития несовпадающими маршрутами. Маршрутами, различающимися, в том числе, своими темпами, перспективами и вероятными результатами. И одновременно позволяет лучше понять сложную механику взаимодействий в зонах, где указанные шаблоны регионализма сталкиваются, конкурируют или накладываются друг на друга.

Одним из примеров может являться продолжительная история попыток создания кооперационного образования в виде Общеамериканской зоны свободной торговли (ЗСТА), идея которого возникла ещё в период первых интеграционных экспериментов в Латинской Америке. Стремление Вашингтона продвинуть этот проект в форме постепенного присоединения латиноамериканских государств к НАФТА, после достижения ими соответствия «минимальным условиям» членства, вступило в очевидное противоречие с альтернативным подходом латиноамериканских стран во главе с Бразилией, отстаивающих иной вариант возможной интеграции — открытой, опирающейся на уже созданные субрегиональные организации.

Столь же наглядной иллюстрацией конкуренции шаблонов регионализма является и процесс эволюции одного из крупнейших объединений на Азиатско-Тихоокеанском региональном пространстве — форума Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). Его появление было мотивировано главным образом стремлением большинства участников не упустить возможных выгод, предоставляемых ускоряющейся динамикой мировых хозяйственных процессов. Он возник в основном как «неформальный консультационный форум», в рамках которого конкурировали два подхода — «англосаксонский» и «азиатский», — по сути дела представлявших и продвигавших разные шаблоны регионализма. Все попытки англосаксонских членов (прежде всего США) придать АТЭС большую организационную и содержательную определённость, натолкнулись на достаточно твёрдое и согласованное противодействие их азиатских партнёров. Победа «азиатского подхода» привела к тому, что объединение превратилось скорее в процесс и совокупность добровольных обещаний, нежели в институт или обязывающее соглашение. Его последующая постепенная деградация и учреждение в сентябре 2016 г. лидерами 12 стран АТР новой региональной группировки — Транстихоокеанского партнёрства (ТТП) — свидетельствуют о продолжающейся конкуренции двух шаблонов регионализма.

Детальный анализ процессов, связанных с созданием ТТП, их влияние на формирующуюся архитектуру региональных взаимодействий в АТР содержится в статье В.Е. Болдырева «Транстихоокеанское партнёрство: новый фактор лидерства США в АТР и интересы Тихоокеанской России». В результате автор приходит к выводу, что одной из главных целей ТТП является обеспечение реализации в регионе торгово-экономических интересов Вашингтона. В концептуальном плане организация опирается на опыт участия США в региональных и субрегиональных объединениях, практику двусторонних соглашений о свободной торговле. Другими словами, ТТП можно рассматривать как организационное выражение вполне определённого шаблона регионализма.

В статье А.Б. Волынчука и Я.А. Волынчук «Российско-китайское сотрудничество — синдром отложенного партнёрства» анализируются результаты формирования стратегического партнёрства между Москвой и Пекином после объявленного в начале 2015 г. поворота РФ на восток. Основываясь на данных статистики, подтверждающих снижение темпов российско-китайского сотрудничества, авторы констатируют: в силу ряда причин экономического и политического характера, нашей стране не удалось в полной мере реализовать двусторонний потенциал сотрудничества. Также отмечается, что, несмотря на продолжающиеся разговоры о партнёрстве, между РФ и КНР сохраняются конфликт интересов и противоположные взгляды на множество актуальных вопросов глобального и регионального развития, что, кроме всего прочего, отсылает к проблеме столкновения разных шаблонов регионализма.

Интеграционное взаимодействие РФ и КНР в более широком временном контексте на субнациональном уровне анализируется в статье С.А. Иванова «Без полномочий, ресурсов и целей: роль региональной власти Дальнего Востока в продвижении экономического сотрудничества с Китаем». Поскольку на Дальнем Востоке, полагает автор, практически отсутствуют местный крупный бизнес или конкурентоспособные отрасли, заметную роль в развитии международных связей могут играть главным образом региональные власти. В этой связи анализируется, какими реальными полномочиями в настоящее время обладают правительства субъектов РФ во внешнеэкономической сфере, рассматривается ли ими Китай в качестве регионального партнёра, с кем в КНР и через какие каналы они выстраивают сотрудничество. С.А. Иванов приходит к следующему выводу: в настоящее время администрации российского Дальнего Востока по сути дела лишены возможности стать влиятельными игроками в деле экономической интеграции этого региона РФ с Китаем. Их арсенал в этой сфере составляет ограниченный круг полномочий, возможности реализации которых сдерживаются дефицитом бюджетов. У властей отсутствует чёткая и последовательная позиция по вопросам сотрудничества с КНР. Текущие стратегии развития и другие официальные документы субъектов России не предлагают конкретных механизмов использования двусторонних связей на благо регионального развития. Таким образом, на кон-

кретном примере обнаруживаются некоторые ключевые характеристики, отличающие подход к региональному строительству в рамках одного из упомянутых выше шаблонов — шаблона «догоняющего» регионализма.

Иллюстрацией различий в подходах к решению двусторонних проблем, влияющих на развитие региональных взаимодействий в Северной Пацифике, является состояние современных взаимоотношений России и Японии (см. статью В.В. Кожевникова «Российско-японские политические отношения сегодня: надежды и перспективы»). Анализируя многочисленные высказывания и дипломатические шаги обеих сторон, автор констатирует наличие взаимной заинтересованности в укреплении и развитии сотрудничества. Однако сохраняющиеся различия во взглядах Москвы и Токио на главную — территориальную — проблему, по мнению В.В. Кожевникова, делают возможность прорыва в сотрудничестве этих ключевых региональных игроков маловероятной в ближайшее время.

Вторая волна регионализма характеризуется серьёзными содержательными переменами. Уменьшение количества и частоты организационных перестроек указывает на то, что большая часть действующих региональных интеграционных объединений в основном миновала этап экспериментов и поиска наиболее адекватных концептуальных моделей групповой кооперации. Эти модели стали более разнообразными и гибкими. Значительно реже они основываются на заимствованных готовых шаблонах и гораздо чаще определяются, исходя из возможностей, потребностей и реальных условий конкретных стран и регионов. Однако оформление в разных контекстах нескольких различающихся между собой шаблонов международного регионализма ведёт к признанию того, что перспективы его дальнейшего развития и результаты в разных регионах мира будут далеко не одинаковы. Если говорить о региональном пространстве Северной Пацифики, то представленные в номере статьи указывают на целый ряд конъюнктурных фундаментальных обстоятельств, сдерживающих прогресс интеграции и региональное строительство в этой части мира.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Борко Ю.А. Расширение и углубление европейской интеграции // *Мировая экономика и международные отношения*. 2004. № 7. С. 15—30.
2. Acharya A., Johnston A.I. Comparing Regional Institutions: an Introduction // *Crafting Cooperation. Regional Integrational Institutions in Comparative Perspective*, ed by Amitav Acharya and Alastair Iain Johnston. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. Pp. 1—31.
3. Breslin S., Higgott R., Rosamond B. Regions in Comparative Perspective // *CSGR Working Paper*. № 107/02. November, 2002. Coventry: University of Warwick. Centre for the Study of Globalisation and Regionalisation, 2002. 31 p.
4. Hettne B., Söderbaum F. Theorising the Rise of Regionness // *New Political Economy*. 2000. Vol. 5. № 3. December. Pp. 457—473.
5. Katzenstein Peter J. Regionalism in Comparative Perspective // *Cooperation and Conflict*. 1996. Vol. 31. № 2. Pp. 123—159.

6. Lasserre P., Schütte H. *Strategies for Asia Pacific*. N.Y.: New York University Press, 1995. 320 p.
7. Laursen F. Chapter 1. Regional Integration: Some Introductory Reflections // *Comparative Regional Integration. Europe and Beyond*, ed. by Finn Laursen. Farnham: Ashgate Publishing Limited, 2010. 282 p.
8. Lay Hwee Yeo. Institutional regionalism versus networked regionalism: Europe and Asia compared // *International Politics*. 2010. Vol. 47, 3/4. Pp. 324—337.
9. Munakata N. Regionalization and Regionalism: The Process of Mutual Interaction // RIETI Discussion Paper Series 04-E-006. January. 2004. 41 p.
10. Mori K. Institutionalizing, Marketizing and Networking Asia-Pacific Economic Cooperation // *International University of Japan Research Institute. Working Paper. No. 10*. April 1999. URL: http://nirr.lib.niigata-u.ac.jp/bitstream/10623/31216/1/2011_2_iuj1_011.pdf (дата обращения: 08.05.2016).
11. Schulz M., Söderbaum F. and Öjendal J. Introduction: A Framework for Understanding Regionalization // In: *Regionalisation in a Globalising World. A Comparative Perspective on Actors, Forms and Processes*, ed. by Michael Schulz, Fredrik Söderbaum, and Joakim Öjendal. London: Zed Books, 2001. 352 p.

REFERENCES

1. Borko Ju.A. Rasshirenie i uglublenie evropejskoj integracii [Expansion and intensification of European integration]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*, 2004, no. 7, pp. 15—30. (In Russ.)
2. Acharya A., Johnston A.I. *Comparing Regional Institutions: an Introduction*. In: *Crafting Cooperation. Regional Integrational Institutions in Comparative Perspective*, ed. by Amitav Acharya and Alastair Iain Johnston. Cambridge: Cambridge University Press Publ., 2007, pp. 1—31. (In Eng.)
3. Breslin S., Higgott R., Rosamond B. *Regions in Comparative Perspective. CSGR Working Paper, no. 107/02, November, 2002*. Coventry, University of Warwick, Centre for the Study of Globalisation and Regionalisation Publ., 2002. 31 p. (In Eng.)
4. Hettne B., Söderbaum F. Theorising the Rise of Regionness. *New Political Economy*, 2000, vol. 5, no. 3, December, pp. 457—473. (In Eng.)
5. Katzenstein Peter J. Regionalism in Comparative Perspective. *Cooperation and Conflict*, 1996, vol. 31, no. 2, pp. 123—159. (In Eng.)
6. Lasserre P., Schütte H. *Strategies for Asia Pacific*. New York, University Press Publ., 1995, 320 p. (In Eng.)
7. Laursen F. Chapter 1. Regional Integration: Some Introductory Reflections. In: *Comparative Regional Integration. Europe and Beyond*, ed. by Finn Laursen. Farnham, Ashgate Publishing Limited Publ., 2010, 282 p. (In Eng.)
8. Lay Hwee Yeo. Institutional regionalism versus networked regionalism: Europe and Asia compared. *International Politics*, 2010, vol. 47, 3/4, pp. 324—337. (In Eng.)
9. Munakata N. Regionalization and Regionalism: The Process of Mutual Interaction. *RIETI Discussion Paper Series 04-E-006*, January, 2004, 41 p. (In Eng.)
10. Mori K. Institutionalizing, Marketizing and Networking Asia-Pacific Economic Cooperation. *International University of Japan Research Institute. Working Paper*, no. 10. April 1999. Available at: http://nirr.lib.niigata-u.ac.jp/bitstream/10623/31216/1/2011_2_iuj1_011.pdf (accessed 08.05.2016) (In Eng.)
11. Schulz M., Söderbaum F., Öjendal J. Introduction: A Framework for Understanding Regionalization. In: *Regionalisation in a Globalising World. A Comparative Perspective on Actors, Forms and Processes*, ed. by Michael Schulz, Fredrik Söderbaum, and Joakim Öjendal. London, Zed Books Publ., 2001, 352 p. (In Eng.)